

к84.09(=448)
СЧ2
к-58060

Юрий СКВОРЦОВ

Зеранное

ДЕВУШКА С БЕРЕГОВ СОРМЫ

1

Речка Сорма маленькая, и питают ее мелкие воды бесчисленных ручейков, родников, ключей, спрятанных в тенистых, потаенных зарослях зеленых лощин.

Населены здешние места густо. Пробегая по долинам мимо невысоких холмов, нить Сормы, словно бусинки, нанизывает на свои берега деревеньку за деревенькой. Издавна полюбились людям эти веселые места. Сколько тут чистой воды! Как свеж воздух, настоящий на медвяном запахе густой травы прибрежных лугов, земляничных и клубничных полян...

«Сорминское» — обязательная приставка, своего рода почетный титул, который добавляет к своему названию каждая деревня или село, словно гордясь принадлежностью к такой славной речке, отсюда: Юськасы-Сорминское, Вурманкасы-Сорминское.

Деревня Сормбось по-русски означает Сорминская, пожалуй, красивее всех — не скупясь, одарила ее река всеми своими красотоми.

Некогда в центре деревни по обеим сторонам оврага были раскинута фруктовые сады, а на лугах зеленели кусты густого ольшаника. Сейчас, правда, садов поубавилось, но Сормбось не утратила своей привлекательности. Хотя и маленькая она деревенька, всего двадцать шесть дворов, но девушки соседних округ охотно выходили замуж за сормбосьских парней, и был здесь свой интересный резон: оказывается, невесты, кроме доброго и красивого мужа, мечтали получить в приданое здешнюю природу.

Неудивительно, что рождались здесь тонкие и поэтические натуры. Они, наверное, и дали начало сормбоському типу, отличающемуся добрым нравом и приятной внешностью.

Так, во всяком случае, гласит народная молва.

Но как бы там ни было, почти каждый год эта маленькая деревушка играет столько свадеб, что за ней не угнаться ни одному самому большому в округе селу.

Женихи и невесты, как заведено, выбирают себе пару обычно среди своих, но молодежь охотно посещает и ярмарки в Юськасах и Чувашской Сорме.

Ярмарки собираются не столько для торговли, сколько для «высматривания» невест. Особенной популярностью пользуется Чувашско-Сорминская, которая бывает во время сенокоса. Это ярмарка «похищений»: избранница обычно уже «высмотрена» на предыдущей. Конечно, в наше время не может быть и речи о насильственном увозе невесты — это, скорее, просто веселая игра, забава. В народе потом еще долго, в течение года, обсуждаются подробности каждого случая, давшего повод для новых песен, частушек, шуток на праздниках и вечеринках.

Не было бы у чувашей такого обычая, кто знает, насколько бы обмелели реки их полноводного фольклора... Свадьба — событие радостное, счастливое — добрый повод от души повеселиться.

На прошлогодней ярмарке из Сормбось «похитили» двух девчат, поговаривают, что и в нынешнем году есть кого «высмотреть» и «украсть».

Всего неделя осталась до сенокоса. Вся деревня в хлопотах: хозяйки бегают из дома в дом, делятся кто хмелем, кто дрожжами, кто укропом, кто тмином. Мужчины выбирают из домашнего стада барана, покрупнее да пожирнее.

Если кто из чужих поинтересуется: «Кого украдут?», то кивают на большой дом с шатровой крышей, стоящий в центре деревни. В этом доме живет Празук-инге, тетушка Празук со своим уже женатым сыном и с дочерью на выданье — Сухви.

Сухви очень хорошенькая, у нее светлые волосы, густые брови, темно-карие глаза, хрупкая фигурка с тонкой талией и стройными ногами.

Мать ее в прошлом была настоящей красавицей. Поговаривали, что согласилась Празук на брак не столько из любви к будущему мужу — хмурому и малоразговорчивому старому бобылю, сколько к Сормбось, прельстившись здешними природными красотами.

Сухви — в мать, так же чувствительна и поэтична. Часами может стоять на берегу, любоваться полетом береговых ласточек, наблюдать за порханием стрекоз с сине-бархатными крылышками. В такие минуты ее смуглое лицо заливает румянец, губы плотно сжимаются и делаются похожими на две сросшиеся вишенки.

Так кто же все-таки нынче возьмет ее в жены? Кто «похитит» на ярмарке?

...Сухви — недотрога, держат ее в строгости. Никто еще не видел девушку наедине с парнем, и не было замечено, чтобы она осталась на улице после хоровода. А на хороводах юная красавица покорила не одно сердце, не один парень вздыхал украдкой и гадал: «Кому выпадет такое счастье, кого выберет эта девчонка с потупленными глазами, которой и слово-то сказать страшно?» А обиженные холодностью и неприступностью Сухви открыто говорили: «Да она вовсе замуж не пойдет, больно разборчива!» Иные возражали: «Пойти, может, и пошла бы, да что-то сынок Хветли-инге давненько на родину не заглядывает. Сильно грамотный парень, музыкант. Зря она по нем сохнет, не пара ученому простая пастушка».

Если, случалось, при таких разговорах присутствовала сама тетушка Хветли, то она обычно возражала: «Ученый — неученый, какая разница!»

Хветли-инге не прочь породниться с Празук-инге. Ей очень нравится и сама девушка.

«Ничего бы не пожалела, все отдала, чтобы назвать Сухви своей невесткой» — так прямо и говорила в глаза старой матери.

Празук-инге хмурила свои все еще красивые темные брови, выражая неудовольствие:

— А понравится ли твоему сыну моя Сухви? У него в городе разве еще не нашлось невесты?

— Об этом я ничего не ведаю и ведать не хочу. А твоя дочка на глазах выросла, знаю — нет в ней никакого изъяна. Вот уж красива так красива, что босая, что обутая, что в простом платье, что в нарядном. Аккуратная, вежливая, всегда готова помочь, скромная, душевная. Родня хорошая, ни о ком слова плохого не слыхать. Скажи откровенно, Празук-инге, чем тебе мой сынок не нравится?

— Я его не хаю, соседка. Только каков он, не знаю. Вот уже два года не приезжал твой ученый в Сормбось.

Обычно в таких разговорах последнее слово остается за матерью Сухви — она женщина умная, сдержанная, не то что простушка Хветли, да и к тому же чем отвести упрек? Судьба младшего еще не устроена. А ну как сложится так же неудачно, как у старших? Забыли, совсем забыли сыны родину. Мать не навещают — некогда. Снохи городские, им в деревню ездить неинтересно. Город детей поедает, как мельница зерно. Ох, горюшко, забыла, когда всей семьей за одним столом собирались. Если бы Санька в жены Сухви взял, она бы уж не гнушалась своей свекрови. Писал сынок в последнем письме, что собирается приехать, хорошо бы, если к ярмарке поспел.

2

Дни перед ярмаркой стояли душные, дождей не было больше двух недель. Жара сморила листья липы, вяза, орешника, иссушила траву по обочинам дороги и на высоких местах.

В один из июльских дней, в полдень, на пыльной проезжей дороге, ведущей в Сормбось, показался паренек со спортивной сумкой через плечо. Дойдя до того места, где дорога сворачивает на деревенскую улицу,

он остановился, словно чего-то припоминая, а потом решительно двинулся по тропинке, ведущей через широкую луговину на деревенские зады. Судя по всему, паренек давно здесь не был. Он то и дело останавливался, обводя счастливыми глазами весь этот простор, с наслаждением вдыхал воздух, густой и сладкий, как июльский мед.

За синей далью лесов терялись извилистые берега Сормы, золотое поле спелой ржи, раскинутое возле опушки ближнего леса, слепило глаза. Паренек блаженно шурился, подставляя солнцу и легонькому ветерку, тянувшему из сырой ложбины, потное, разгоряченное лицо.

Несмотря на свой явно городской вид — модные джинсы и майку с эмблемой какого-то международного фестиваля, «ученый» сынок тетушки Хветли, Санька, а это был он, не утратил наследственных черт сормбоськой породы, отличающейся крепким телосложением и простодушным, открытым выражением лица.

Паренек двинулся низом, где на распаханной целине топорщила листья высокая, в рост человека, конопля. Терпкий запах щекотал ноздри.

Белые гуси паслись на зеленой траве.

Не в силах больше сдерживать своих чувств, Санька присел на склоне крутого оврага, уже почти поднявшись к своему огороду. Шелест стеблей ячменя, ритмичное потрескивание сухих остей начинающего твердеть колоса, томные вздохи горячей земли, успокаивающая прохлада далеких снежных облаков — все проникало в сердце, все требовало выражения.

Сын Хветли-инге был музыкантом. Еще мальчиком, когда он впервые обнаружил внутри себя потоки необыкновенных ощущений, каким-то таинственным образом связанных с ритмом его сердца и ритмами окружающего мира, Санька догадался, что музыка — это не только песни и игра на гармошке. Музыка живет всюду, сама по себе; как камень или глина скрывают в себе непроявленные образы, так и все вокруг таит в своих глубинах тонкую и хрупкую мелодию.

Он окончил в Чебоксарах музыкальное училище и стал солистом эстрадного ансамбля.

Саньке нравилось выступать на концертах перед множеством народа, нравился успех, аплодисменты, нравился особый строй жизни, легкий, подвижный, не обремененный заботами — «гастрольный вариант», как его именовали в их среде, но все-таки хотелось большего — самому создавать музыку. Он пробовал писать песни, некоторые из них даже исполнял на эстраде, но в глубине души молодой музыкант страдал от неутоленной жажды истинного творчества. Тайной мечтой начинающего композитора была крупная музыкальная форма: рок-опера или сюита на тему чувашских народных песен в современной оркестровке.

Тетушка Хветли и предположить не могла, почему ее сынок так охотно согласился приехать на праздник.

Небрежно пробегая глазами материнское письмо, полное жалоб и слезливых причитаний, Санька внезапно остановился — по глазам, как вспышка яркого света, полоснуло: «ярмарка». Вот где он может найти тему! Как это раньше не пришло в голову? Едет, непременно. До следующих гастролей оставался целый месяц, значит, целый месяц он может жить в деревне, работать в поле, вечером водить на улице хорооводы, петь вместе со всеми и слушать, слушать, слушать. Сколько интересного предстоит увидеть и пережить!

Родная земля... Она словно соткана из сотен мелодий, прикоснись к ней, как к струнам, и зазвучит, запоет...

В такие минуты Санька чувствует себя не столько человеком, сколько каким-то инструментом. Невидимый внутренний исполнитель настраивает его: вот подтянул один лад — прислушался. Внешние образы должны совпадать с тем, что внутри.

Первые такты прозвучали так отчетливо, словно он услышал их со стороны. Нельзя было терять ни секунды, время жадно поглощало драгоценные мгновения.

Санька стал лихорадочно записывать в нотную тетрадь. Набросав несколько фраз, он остановился — можно было теперь не спешить, тема «поймана за хвост», не уйдет. Но что же послужило источником? Ведь он просто физически чувствовал его здесь, буквально под ногами. Ах да, вспомнил! Еще в детстве ему казалось, что именно на этом месте давным-давно происходили события важные и героические. Грезилось, будто древний богатырь отдыхал на этом склоне после битвы, и родина, с ее небом и землей, с травой и облаками, склонялась над его телом, остужая усталое лицо, нежными касаниями исцеляя раны.

Именно об этом говорила только что рожденная мелодия, она пела о необыкновенной любви, нежной, преданной и неутоленной.

И вдруг Санька вздрогнул: чей-то голос — чистое, звонкое сопрано — выводил ту же тему.

Он узнал народную чувашскую песню. Редкой удачей, просто чудом было и то, что ему удалось уловить характер национального строя, не думая об этом заранее. Значит то, что услышала его душа, было правдой.

Санька вскочил на ноги, ему хотелось увидеть певунью, хотелось узнать, кто же сумел пережить с ним одно общее мгновение, чье сердце билось с ним в эти минуты в одном ритме.

Вдали, у берега Сормы, паслось стадо овец, какая-то девушка медленно шла за отарой.

«Уж не Сухви ли это?» — промелькнуло в голове. Издали вся группа выглядела игрушечной — маленькая девичья фигурка, окруженная кудрявыми овцами. Стоя на возвышенности, Санька ощущал себя чуть ли не зрителем, попавшим на какой-то спектакль. Прибавление «нового действующего лица», смешной толстой косолапой тетקי, еще больше усугубило это ощущение. Переваливаясь на неуклюжих кривых ногах, тетка спешила к отаре и кричала во все горло.

До него отчетливо донеслось: «Сухви, перегоняй на Касликавар!»

Значит, все-таки он не ошибся, девочка-пастушка — это Сухви, милая девчушка, которую он видел два года назад, поди, ей тогда было лет пятнадцать-шестнадцать, значит, сейчас... Э, да она невеста! Кажется, мать в последнем письме писала, что, мол, дочку Празук-инге, поговаривают в народе, в этом году на ярмарке будут «воровать». «Смотри, сынок, не проворонь свое счастье». «Господи, — подумал тогда Санька, — при чем здесь я, у меня своя жизнь, что мне делать с такой женой?» Деревенская она, разве привыкнет к такой жизни, которую он ведет: гастроли, репетиции, концерты. Да он и дома-то совсем не бывает. Заскучает с таким мужем любая, не то, что Сухви, выросшая на природе, среди полей и лесов. Ребята в ансамбле засмеют: мол, «кантри», деревенщина.

Теперь же, переживая счастливую встречу с родиной, подарившей с первых же шагов высокий момент вдохновения, молодой музыкант понял, что напрасно надеялся создать что-нибудь путное, живя так, как жил до сих пор: от гастролей к гастролям, от самолета к самолету, с поезда на поезд. Было, конечно, интересно — менялись города, люди, он многое увидел, со многим познакомился: юг, север, Кавказ, Крым, Прибалтика, Сахалин, Камчатка; горы, море, вулканы, сопки, степи и пустыни... Сколько музыкальных образов, величественных и простых, скромных и грандиозных, умиротворенных и бунтующих! Ритмы менялись, но все они были Саньке чужими — весь музыкальный лад его души был чувашским. Правда, он легко мог имитировать любую форму, но это было ремесло, а душа рвалась к самобытности. Санька и человека воспринимал как музыкальный образ. А сколько разочарований приносила ему эта его особенность, когда он знакомился с девушками! Красивая внешность воспринималась им совершенной формой, он любовался чертами лица, пытался прочесть по ним неслышную музыку и нередко в страхе отступал, когда красавица начинала «звучать»: отпугивали то резкость, то грубость, то непривычное, как говорят музыканты,

«звукоизвлечение». Вот поэтому-то он и не влюблялся по-настоящему, все ждал, все надеялся на заветный, родной отзвук.

Чувашские девушки казались ему самыми красивыми, самыми «музыкальными», а среди землячек он не встречал лучше Сухви, впрочем, о ней он думал редко, замотанный и заверченный каждодневной суетой.

Ему захотелось представить ее лицо, вспомнить, что в нем привлекает.

«Немного грустное, — отметила память, — но грусть особенная, тихая, нежная. Она, наверно, страдает — ее здесь, конечно, не могут понять. Кто расслышит ее особое «звучание»? Вон как орет эта толстая тетка: «Сухви, гони овец на Касликавар!» Да такая «заглушит» кого хочешь. А девушка очень чувствительная. Ее выразительные глаза меняются, помнится, от каждого сказанного ей слова: то вспыхнут обидой, то загорятся сочувствием, то кротко замерцают, то заискрятся веселым смехом, но чаще всего все-таки печальные».

В прошлый свой приезд Санька не пропустил ни одного деревенского хоровода. Сухви тоже выходила на улицу, случалось, и пела вместе со всеми, но так, чтобы голос не выделялся: начинала последней, а кончала первой. Кого-кого, но музыканта она не могла обмануть — он все равно слышал. Если девушка молчала, песня не ладилась — будто что-то неуловимое пропадало в согласном звучании хора. Стоило Сухви вступить, как ее чистое сопрано, словно драгоценный бисер, «вышивало» на мелодии свой неповторимый узор.

А как она смеется!.. Это же просто журчание ручейка. Вот бы попробовать записать ее смех...

Мать тогда еще заметила, что сыну нравится певунья Сухви.

«Хочешь, оженим тебя на дочке Празук-инге? Хорошенькая», — предложила как-то ненароком Хветли-инге.

Вот и в последнем письме опять ввернула: «Выросла совсем певунья Сухви, еще красивей стала».

Да, интересно все-таки посмотреть на нее.

А отара все удалялась и удалялась, скоро уже ничего нельзя было различить — только пыль, поднятая овцами, указывала направление стада.

Щелканье пастушьего кнута заставило его оглянуться: какой-то паренек, очевидно, пастух из соседнего села, стоя на противоположном берегу Сормы, внимательно смотрел в ту сторону, куда погнала овец Сухви.

И когда Санька увидел, как девушка в ответ взмахнула кнутом, сердце его почему-то сжалось, и он, перекинув сумку через плечо, заспешил домой.

3

Тетушка Хветли уже не работала в колхозе; выйдя на пенсию, она с особым старанием занималась домашними делами. Судьба холостого сына не выходила у нее из головы, похоже, мать решила женить Саньку и, не откладывая дела в долгий ящик, принялась спешно готовить для молодых перину да подушки.

Стоя посреди двора, Хветли-инге склонилась над корытом, полным гусяного пуха. Увлеченная работой, она очнулась лишь тогда, когда услышала скрип калитки, оглянулась и всплеснула руками: от сарая, лукаво улыбаясь, шел навстречу долгожданный Санька.

— Уй, сыночек, — ахнула старушка, — приехал...

— Приехал, мать, приехал, — ласково прошептал Санька, склоняясь к добрым материнским плечам.

«Постарела моя матушка, постарела, а ведь еще два года назад была ничего».

Чувствительная Хветли всплакнула, обнимая сына, но тут же встрепенулась: «Какая глупая! Чего плакать? Радоваться надо, умыться подать с дороги пареньку, ишь как взмок да запыхался, устал, поди, по такой жаре топать».

Ох и быстрая на ногу эта Хветли-хлопотунья: в одну минуту наполнила рукомойник чистой водой, принесла свежее полотенце и новую нераспечатанную пачку туалетного мыла (специально для ученого сына припасла).

До чего же здорово умыться после тяжелой дороги холодной колодезной водой. Санька сразу сбросил усталость, будто заново родился: и в помине не осталось тех семи километров, которые он оттопал по изнурительной июльской жаре.

А уж мать — ну просто не знала, как поудобней усадить сына, чем его попотчевать, все ей казалось слишком простой пищей для «ученого» и «городского».

— Свалился как снег на голову, — жаловалась она, цедя в кружку пиво, — думала, приедешь к самой ярмарке. Пиво еще не поспело, дня три, как поставила. Не обижайся уж.

— Да успокойся, присядь к столу, дай хоть поглядеть на тебя.

— Чего глядеть-то на старую, ты лучше на молодых гляди.

— Небось опять про Сухви разговор заведешь? — лукаво поинтересовался Санька. — Так я ее только что видел.

— Ну! — не поверила мать. — Где же это?

— Да на лугу, она отару перегоняла к Касликавару.

— Чего ты мог видеть с такого расстояния, — успокоилась старушка, — ты бы ее сейчас вблизи рассмотрел. Лучше матери своей будет. А Празук-инге в молодости слыла первой красавицей.

— После тебя, конечно, — пошутил Санька.

— Ладно тебе смеяться над старой матерью...

— Какой тут смех, для сына родная мать лучше всех на свете.

— Ты не отшучивайся, — продолжала гнуть свою линию настырная тетушка Хветли, — а для свадьбы я уже все необходимое приготовила.

— Ну да, — усмехнулся Санька, — видел, видел, как ты пух перебирала. Приданое, что ли? Представляю, как я заявлюсь к себе с таким «необходимым»! Да ребята меня засмеют!

— Как же, — испугалась мать, — на чем вы, бедные, спите, на голых досках, что ли?

— Всяко бывает.

— Не страдай меня, Саня, — взмолилась старушка. — Если у городских такая собачья жизнь, то почему обратно в деревню не возвращаются? Может, ты, сынок, останешься? Женишься на хорошей девушке, дом весь будет ваш, хозяйство заведете, на первый случай дам вам и овечек, и телочку, и гусей штук десять.

— Размечталась!..

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы не вернулась с работы сестренка. Поздоровавшись с братом, Енюк со смехом спросила:

— Что, и тебя уже, братец, начали обрабатывать? Она мне все уши прожужжала про свадьбу.

Так в шутках и незлобных подтруниваниях друг над другом прошел вечер.

...Хорошо, тепло и уютно лежать на перине, смотреть в темноту, различая за окном тень старого вяза, что растет в палисаднике.

Мать смутила его разговором о женитьбе, и хотя он притворялся равнодушным, но мысли о Сухви не выходили из головы. Санька прижал к груди подушку, зажмурил глаза и тотчас увидел перед собой ее милое лицо, светлые волосы, густые темные брови...

Ночью ему приснилось, будто он идет берегом, потом спускается на луг. На лугу пасутся лошади, где-то в густой траве печально кричат журавли. Санька не знает, что он здесь делает, зачем пришел. Да, вспомнил, надо поймать лошадь, вон ту, рыжую кобылку. Бойкая лошадка с гривой до самой земли. Но почему она не подпускает близко? Почему убегает? Почему останавливается, манит глазами, а стоит только протянуть руку, как пускается наутек. Дразнит, играет? Вон и в реку зашла, смотрит, пойдет ли он за ней. Что поделаешь, приходится лезть, вода холодная, хорошо, что дно не илистое, твердое песчаное и неглубоко — только по пояс. Санька накидывает аркан пах-пах! Попалась, теперь не уйдешь, дай только взнуздать. Кобылка стоит спокойно, вот он уже в двух шагах, и вдруг лошадь делает рывок, Санька летит в воду. Удрала-таки. В чем дело? Кто ее испугал? Пастух? Точно, ведь это

он шелкнул кнутом. Смотри-ка, уже взнуздal недотрогу и смотрит, как Санька вылезает из воды. Нет, не смеется, не издевается, просто смотрит, словно жалеет, и она смотрит. Какие печальные у нее глаза. Что это? Плачет? Где он видел эти глаза? Да ведь это же глаза Сухви...

Санька проснулся, не в силах отогнать ночного сновидения, долго сидел в постели, обхватив голову руками. Что мог означать этот странный сон? И опять где-то шелкнул кнут... Какое-то наваждение: и во сне и наяву одно и то же! Подошел к окну, выглянул на улицу: «Ох, отлегло от души, да это же Енюк пошла по воду к колодцу. Не кнут шелкнул, а звякнула дужка ведра».

— Вот ведь неловкая, — раздалось вдогонку сестре, — гляди, разбудишь!

— Да я уже проснулся, мама.

— Как спалось, сынок, что приснилось на старом месте? Жениху невеста?

— Кнут приснился.

— Господи, — всплеснула руками Хветли-инге.

— Не волнуйся, всех победим и живыми-здоровыми останемся, проживя сто лет.

— Дай-то бог, сынок.

До чего хороший да пригожий удался паренек.

Мать украдкой наблюдала, как Санька надевает рубашку, причесывает перед зеркалом длинные, слегка волнистые волосы. Весь в отца, крепкий, ладный, да, пожалуй, еще краше: повыше ростом будет и лицом понежней. Все ж таки работа не крестьянская — артист. И как только Санька не боится выступать, куда свою стеснительность деваeт при таком большом народе? Сотни глаз на него глядят, повалить могут. А он ничего, будто огурчик с грядки. Белая рубашечка (Енюк, молодец, постаралась, хорошо отгладила) очень ему идет, на лице высветляет каждую черточку.

— Сходи-ка, — советует Хветли, — навести Празук-инге.

— А дома ли она в эту пору?

— Сухви дома, я только что к ним за дрожжами бегала. Ты не стесняйся, городские должны быть смелей.

— Да что скажу, мама?

— Спросишь, как живут, чем занимаются. Мы недавно с Празук-инге о тебе разговор вели.

— Тогда я никуда не пойду, небось косточки наши с Сухви перемывали? Что за манера за спиной людей сватать... Может, ей самой до меня и дела-то никакого нет, может, ей кто-то другой нравится?

— Матерям лучше знать про своих детей. Ребенок только подумает о чем-нибудь, а материнское сердце уже знает, наперед знает, полезно это или вредно.

— Скажешь, «ребенок»... Вон какой детина здоровый вымахал, — Санька ласково обнял мать. — Ну хорошо, хорошо, не обижайся.

— А не послать ли с тобой Меркурия?

— Зачем?

— Вдвоем легче.

Сын усмехнулся:

→ Как-нибудь сам управлюсь.

4

Выйдя на улицу и пройдя несколько шагов, Санька сразу заметил перемены и удивился: надо же, всего каких-нибудь два года прошло, а уже многого не узнать. Сормбось разрослась, подтянулась к соседней Панклеи, между деревнями появился новый пруд, а заветное местечко, где он мальчишкой рвал щавель, распахали.

Уже полдень, на улицах — никого, горячее марево стоит над скошенными лугами, старый пруд совсем обмелел, один берег почти сплошь зарос осокой, на другом, низко прижимаясь к земле, стелется желтая мыльнянка.

Не отдавая себе отчета, сынок Хветли-инге медлит приблизиться к дому с шатровой крышей — опасается строгой хозяйки.

Празук-инге крепко держится старых обычаев. Го-

ворят, если зайдет во двор чужой человек просто так, безо всякого дела, дальше калитки не пустит да еще плеснет из ковшика водой, мол, с чем пришел, с тем и уйди. В среду, тяжелый день, нового каравая не почнет — лучше у соседей хлеба одолжит. Строго соблюдает все приметы: если тесто ставит или капусту солит, на луну глядит: одно хорошо удастся при полнолунии, другое, когда месяц нарождается.

Не плеснет ли она ему из ковшика: «С чем пришел — с тем и уходи»? Со стыда сгорит. А в общем-то, действительно, с чем он идет к соседям? Увидеть девушку? Да какое ему дело до нее? Не жених, не приятель — односельчанин, только и всего. Тетка Празук вправе задать вопрос: «Почему к нам первым заявляешься, другие, что ли, хуже?» «Может, не ходить?» — малодушно решает Санька, но ноги сами несут его к дому Сухви.

...Сухви сидела на крыльце и расчесывала косы, русые густые волосы закрывали собой почти всю ее до согнутых блестящих колен. Длинные волосы для Саньки не в диковинку — современная мода, многие девушки носят сейчас такие прически, но разве можно сравнить «патлатых» горожанок с Сухви, их жалкие, реденькие прядки с этим плотным, шелковым водопадом...

На какие-то минуты молодой человек замирает на месте, не в силах сделать ни шага.

Откинув со лба волосы, девушка замечает стоящего у калитки Саньку, вскакивает, стремглав летит с крыльца, спотыкается о грабли и, слегка прихрамывая, бежит в огород. Нежданный гость не успевает даже поздороваться.

От смущения Санька не знает что делать — повернуться и уйти? Но это будет уж совсем глупо. Что подумают о нем хозяева? Пересилив себя, он подымается по крутым ступенькам крыльца, перешагивает через маленькую скамейку, специально поставленную у входа, чтобы в сени не забредал скот.

Он не сразу решился открыть дверь, долго прислушивался, есть ли кто в избе, и только когда слух различил детский плач, решительно переступил порог.

— Можно? — спросил, уже совершенно овладев собой.

— Ой! — воскликнула какая-то молодая женщина, держащая на руках орущего краснощекого младенца. — Да кто к нам пришел?! Никак сын Хветли-инге? Здравствуй, Саня, ты что, не узнаешь меня?

— Аня? — в свою очередь удивился Санька.

— Она самая, вместе за одной партой сидели.

— И уже мама!

— Пора, это ты только все холостой ходишь. Смотри-ка, к ярмарке приехал, кого-то успел высмотреть? «Красть» кого надумал? Секрет?

— Образование не позволяет ни «красть», ни «высматривать». Мать вот приехал навестить, совсем она у меня старушкой стала.

— Это тетушка-то Хветли старушка? Да она еще и молодых за пояс заткнет, такая бойкая! Да что я болтаю, — спохватилась Анна, — гость на пороге стоит. Проходи, проходи, не стесняйся, давно тебя в Сормбось не видали.

— С кем разговариваешь, невестка? — слышалось из передней.

Это голос Празук-инге — спокойный, властный. Мать Сухви входит в кухню, степенно здоровается с гостем, подходя к печке, запускает руку в дымоход, потом, выставив указательный палец, на котором отчетливо видно черное пятно сажи, дожидается, пока невестка поднесет к ней ребенка.

Весь обряд проходит в серьезном молчании, видно, молодая мать привыкла к нему, да и Санька знает обычай: так оберегают детей от «сглаза» — между бровями ставится точка, чтобы посторонний человек не смотрел малышу в глаза, чтобы не брал своим взглядом «личную силу», необходимую для роста младенца, не то ребенок будет болеть и капризничать.

Сладко потягиваясь и потирая заспанные глаза, выходит из спальни невысокий краснощекий, еще совсем молодой мужчина. Это старший сын Празук-инге.

— Э, да у нас гость. Аннушка! — зовет он жену. — Там ничего не осталось? Что-то в горле пересохло.

Мать строго сдвигает брови: не одобряет Празук-инге нынешнее вольное обращение между людьми — все теперь без правил, без разбору, каждому встречному душа нараспашку. Хорошо, если встретится порядочный человек, а то есть и такие, что в душу залезут да напакостят, потом ни водой, ни ворожкой порчи не смоешь.

Ей самой интересно посмотреть на ученого сына Хветли: правда ли он такой хороший, каким кажется своей матери? У женщин взгляд особый. Думают, бабы, готовя угощение, ничего не видят и не слышат. Нет, ошибаются, как раз наоборот: исподтишка взгляд точней — он не пугает, не настораживает, не сковывает.

Не спеша Празук-инге разжигает очаг. Аннушка уже летит из сеней с полным кувшином пива, на столе появляется бутылка водки.

В летнюю горячую пору, когда сено еще не убрано, когда солнце в зените, сидеть за столом и выпивать, конечно, не дело, но гость здесь ни при чем, крестьянские заботы его не касаются. У сына тоже есть оправдание: работает в ремонтной мастерской, а вчера как ушел с утра, так сегодня только и явился, спешно нужно было что-то починить. Вот и отсыпается. Известное дело, нынче чуть что — бутылка, с ней, проклятой, и в радости, и в горе, и в усталости, и в отдыхе. Чувацкого сладкого пива мало молодежи, давай что покрепче. Городской, поди, тоже выпивает... Можно, конечно, не обращать внимания на болтовню Хветли-инге про сватовство, но обычай есть обычай. Надо бы велеть дочке принарядиться — в доме невеста, а гость неженатый.

Сухви уже успела заплести косы, платье на ней хоть и старенькое, домашнее, но чистенькое. Она не смотрит на Саньку, несмело стоит на пороге, ловит материнский взгляд: «Что делать?»

Празук-инге подзывает дочку, что-то шепчет ей на ухо, девушка поспешно скрывается в соседней комна-

те. Через несколько минут Сухви выходит нарядная — не узнать. Белый шелк, прозрачный, как мокрые лепестки яблоневого цвета, облегает стройную девичью фигуру, фартук зеленеет изумрудом первой весенней травы, по подолу радугой переливаются яркие цветные атласные полосы, розовый батистовый платочек на голове цвета утренней зари. Нежный полевой цветок чувашской земли — эта ясноглазая красавица.

Санька уже опорожнил кружку хмельного пива, скованность первых минут постепенно проходила, его уже больше не пугал строгий вид хозяйки дома. Степан оказался симпатичным малым, шутки, деревенские новости незаметно втягивали приезжего в старый, знакомый мир детства. Тема о погоде была здесь непраздной. Брат Сухви не напрасно упомянул, что летний Никола был без дождя. Потеплело рано, и ласточки рано прилетели, значит, будет сухо до ярмарки, потом жара спадет. Сено уже высохло, до дождей успеют заскирать.

Сухви не принимает участия в общей беседе: девушке, по обычаю, не полагается сидеть за столом с мужчинами. Примостившись на лавке у окошка, она держит в руках какое-то рукоделие, то ли вышивает, то ли подрубает платок.

Саньке виден только девичий профиль — длинные черные ресницы дрожат, как крылья пойманной бабочки...

И молодому гостю, и юной хозяйке боязно смотреть друг на друга, — когда Санька ненароком оборачивается, Сухви вспыхивает и опускает голову.

Празук-инге не к чему придраться: все пока идет ладом, по-хорошему. Сынок Хветли не выскочка, не зазнайка, слушает внимательно, не перебивает, со своим не лезет. И дочка правильно себя ведет, по-старинному. Сын не торопится поскорее выплеснуть водку из бутылки: поди, с час прошло, как гость в доме, а выпито всего две рюмки.

...Да тут Меркурий, про которого говорят в деревне: «Как ворона за двадцать верст чует падаль, так

Меркурий издалека чует выпивку», учуял-таки — бесцеремонно ввалился в избу и уже с порога заявил:

— Что-то поясница ноет с самого утра, не иначе к дождю.

— Дождя дождешься, — засмеялся Степан, — она у тебя и вовсе отвалится! Почитай, деньков десять придется терпеть до мокрой погоды. На-ка, полечись!

Подавая на стол чистый стакан, тетушка Празук заметила:

— «Поясница» твоя, Меркурий, известно какая. Не грех ли жаловаться на здоровье в тридцать лет? Иное дело я, старая женщина.

— Правду говоришь, кинем*. Совсем ты остарела, — брякнул Меркурий, — никуда не годишься. Чего дочку до сих пор в невестах держишь, а ну как ноги протянешь ненароком? Кто ее замуж будет отдавать? А вот и жених сидит. Чем плохой? Давай свадьбу играть!

Шутка шуткой, но после таких слов в избе воцарилось неловкое молчание: Сухви, вспыхнув, выбежала из дома, хлопнув дверью, Санька просто онемел от такого нахальства, строгая хозяйка не мигая устояла на нахального краснбая, но Меркурий был «железным». Как ни в чем не бывало, опорожнив полстакана водки и основательно закусив, он обнял Саньку за плечи и сказал ему на ухо, но так, что все слышали:

— Дело выйдет!

Такого конфуза «жених» не ожидал.

— Пойду покурю, — мрачно заявил Санька, подымаясь из-за стола.

— Кури в избе, — разрешила Празук-инге.

— Сходи, милок, проветришь, — одобрительно закивал головой Меркурий, — без тебя ловчей сговориться.

...Сухви стояла, опершись о перила, лицо ее горело. Санька молча курил, не зная, с чего начать разговор: с утешения, извинения, оправдания?

Первой нарушила молчание девушка.

* Кинем — обращение к женщине преклонных лет.

— Уходишь? — спросила несмело.

— Пора.

— Надолго приехал?

— Завтра отчалию, — зло буркнул в ответ и растерялся: зачем он так? — Да нет, — поправился просто и откровенно, — хочу пожить недельки три, соскучился по дому да и поработать надо.

— Поработать? — удивилась Сухви. — Ты разве не в отпуске?

— Музыку мечтаю написать.

— Разве музыку пишут?

— Кто умеет, тот пишет.

— А ты?

— Хочу попробовать.

— А как? Как ее пишут? Расскажи.

«Нет, — пронеслось в голове, — она все-таки замечательная. Она хочет меня понять. Она может меня понять. Да и как же иначе? Сухви — ее смех, ее голос, ее движения — сама музыка!»

5

Высокие шесты, увитые хмелем, возвышались над кустами низкого вишенника, их прозрачная тень почти не заслоняла солнечного света. Жаркие лучи пронизывали красные ягоды, оттягивающие гибкие ветки.

— Смотри, горят, как глаза белого кролика, — Сухви осторожно вошла в кусты.

— Скажи, какую песню ты пела вчера, когда перегоняла стадо?

Девушка обернулась, от удивления она разжала пальцы, и целая пригоршня вишень рассыпалась у Саньки под ногами.

— Откуда ты знаешь?

— Повезло. Воробы начинали.

— Нет, правда?

— Хорошо, так и быть, расскажу. Хотел мать врасплох застать. Взял да и свернул с тракта, пошел луго-

виной, огородами, потом присел отдохнуть, а тут и тема появилась, стал записывать. Только набросал несколько тактов, слышу: поет кто-то. Я так и обомлел! Представляешь, точь-в-точь, та же гармония. Не понимаешь? Потом все объясню. Поймешь, ты же способная! Теперь, прошу тебя, напой ту мелодию, да не стесняйся. Тихонько, никто не услышит, мне надо кое-что проверить. Давай присядем. Хорошо?

Сухви несмело опустилаcь на траву рядом с Санькой. Он смотрел на нее так просто, так дружески, и девушке захотелось исполнить его просьбу.

— Это народная песня, разве ты ее не знаешь?

— В том-то и дело, что нет. Ну, ты пой, пой.

Неожиданно для самого себя Санька увлекся и совсем позабыл, что сидит с девушкой, в чужом саду — музыка, музыка, тонкая, прозрачная мелодия, должна была вот-вот проявиться, обрести форму, и он торопил эти мгновения.

Сухви тихонько начала:

На закате дня молодой богатырь плачет,
лежа на голой земле.

Знаю, о чем горюешь, победивший врагов.

Есть у тебя на груди рана, ее ничем не исцелить:

Ни волшебной травой, ни живою водой —

Одной лишь песней простой девушки-пастушки.

— Здорово! А теперь послушай меня. — Санька пропел первые такты своего нового сочинения. — Похоже?

— Да...

Теперь они шли по саду рука об руку, связанные взаимным пониманием, общим высоким чувством. Не дичась, не стесняясь, с полным доверием Сухви придвинулась к нему совсем близко, впиваясь глазами в Санькино лицо.

— А я думала, что песня не так сочиняется, — призналась она.

— Как же?

— Ну просто кто-то шел себе лугом или в лесу бродил, или сильно переживал и вдруг начинал петь, а

потом на хороводе вспоминал песню, передавал другим, а те — другим. Если хорошо получалось, если песня душевная, красивая, то ее не забывали.

— Правильно. Но еще заметь: лес «поет» не так, как вода; вода не так, как ветер. Согласна? Люди, хотя и похоже чувствуют, а поют по-разному. Те, кто живут в горах, подражают грохоту водопадов, гулкому эху; степные народы, наоборот, создали протяжные песни, как длинный бесконечный путь по широкому простору степей. Человек, природа, музыка — все едино, все взаимосвязано, выражает друг друга.

— А как поет наша местность?

— Наша местность поет так, как ты, — пошутил Санька.

— Не смейся, — надулась Сухви, — а то не буду с тобой разговаривать.

— Ой, — сделал большие глаза Санька, — не казни так жестоко, пойдем лучше крыжовник собирать. Еще наговоримся с тобой, времени у нас впереди много. Так ведь?

В ответ девушка несмело кивнула головой. Сухви не хотелось никакого крыжовника, не хотелось прерывать того, что возникло в эти минуты: яркого, лучезарного просвета в ее тихой, бедной событиями жизни. Этот парень так непохож на всех остальных! Как он говорит, как смотрит — доверчиво, по-детски чисто и светло. Затуманенными мечтой глазами она видит перед собой иной мир, сотканный из необыкновенных переживаний, слов и поступков. *Его мир, его дело, его музыка.*

Санька уже на ногах — хорошо! Он непременно напишет сюиту, все пока складывается замечательно, а Сухви... Она поможет, она вдохновит.

— Ну, пошли? Что ты такая квелая? Устала? Заговорил я тебя? Привыкай.

— Я уже привыкла, — призналась Сухви и покраснела.

Ему и в голову сначала не пришло, что означает эта простенькая фраза.

Как ни в чем не бывало Санька протянул девушке руку, рывком поднял ее с земли:

— Ну, не хочешь крыжовником угощать, так угости яблоком, вон какое красное висит.

Сухви вздрогнула:

— Нет, нет, этого не трогай, нельзя...

— Почему? Жалко? Понимаю, видно, первый урожай на молодой яблоне, хотите сами попробовать? Успокойся, не буду.

«Что это она так разволновалась? Неужели пожалела какого-то несчастного яблока? Может, матери боится? Что поделаешь, деревенская деваха, трудно будет воспитывать... Ну, ничего. Школу Сухви уже закончила, вокальные данные исключительные, слух дай бог каждому! Обработаем со временем, отшлифуем. Как звездочка будет гореть моя Сухви». «Почему «моя»? — вдруг прозвучал в душе трезвый вопрос. — Разве я собираюсь жениться на ней? Да, красавица, да, способная, да, нравится, очень нравится, но для чего я приехал сюда? Свадьбу играть или музыку писать?»

— Не даешь яблока — не надо, — вздохнул Санька, — а черемухи можно?

— За черемухой в лес надо идти, наша несладкая...

Просто даже удивительно — до чего же быстро меняется у этой девушки настроение: то сидела с ним рядышком, доверчиво и смело смотрела в глаза, ловя каждое его слово, то теперь вдруг нахмурилась, нервно теребит свой зеленый праздничный передник.

— Я скажу, где нынче уродилась.

— А сама? Не сходишь ли со мной?

— Нельзя, люди увидят.

— Ну и что?

— Ты, поди, забыл... Если парень с девушкой...

— В лес пойдут, — закончил Санька, — то что же в этом плохого?

— На девушку в окошко месяц глянет, а уже по селу слух пройдет.

— Глупости все это. Пошли.

То ли вид у «городского» был очень решительный,

то ли у самой Сухви сердце горело — так хотелось ей побольше побыть с ним наедине, только Саньке без труда удалось уговорить девушку.

Они пролезли через плетень и оказались рядом с овсяным полем.

Сухви шла впереди, быстро переступая стройными загорелыми ногами. Санька, наоборот, не спешил: то и дело оглядывался по сторонам, задира л голову, приседал на корточки, пытаясь поймать юркого кузнечика.

Как хорошо кругом — земля в обнимку с солнцем!

Возле самого леса, на телеграфном столбе, сидел коршун и, как хозяин, зорко озира лся.

Тени от облаков бежали по траве, менялись ее оттенки: от густо-зеленого — до изумрудного.

На опушке девушка остановилась:

— Дальше не пойду,

— Почему? — весело расхохотался Санька. — Волков боишься?

— Опять смеешься надо мной? Вот тебе за это, — упругий войлочный мячик, слепленный из головок репейника, запущенный ловкой привычной рукой, запутывается в шевелюре.

Санька, дурачась, притворно вопит, освобождая волосы от колючек.

— За это, коварная, я накормлю тебя волчьими ягодами, и ты умрешь. На моих руках...

Парень бежит по опушке, ищет куст крушины. Вот он! Ягоды местами поспели — стали чернильно-черными, местами остались нежно-розовыми, с зелеными щечками, а кое-где еще мерцали и белыми полупрозрачными бусинками.

— Выбирай: съешь черные — помрешь от любви, розовые — от семейной скуки, белые — от тоски по мне.

— От белых, от белых! — кричит Сухви и прячется за черемуху.

— Ах вот где, оказывается, наши сладкие ягодки! — Парень с налету обнимает девушку. — Это правда, что тебя на этой ярмарке «украдут»?

Сухви делается очень серьезной, сбрасывает Санькины руки:

— Кто сказал?

— Ну вот, ты опять обиделась. Разве можно так часто обижаться? Смотри, разонравишься.

— Пусть, я же белые выбрала.

— Зачем так мрачно? Нам же с тобой весело, хорошо. Или я ошибаюсь?

Сухви молчит и задумчиво смотрит на поляну, просвечивающую сквозь стволы двух берез, перевивших в крепком объятии белые, чистые стволы.

— Там клубники много, пойду соберу.

Откуда-то налетел целый рой мелкой мошки. С монотонным гудом мошкара кружилась над головой, садилась на открытые руки, лицо, шею. Девушка сняла с головы розовый платок и принялась отгонять назойливых насекомых. Но через минуту резкий порыв ветра понес гудящее облако за собой, в сторону деревни.

— Что за походка у этой девчонки! Не идет, а плывет: стан прямой — не сутулится, не гнется. Узкая стопа, кажется, не касается ни земли, ни трав — парит по воздуху, как птица, тоненькая фигурка.

Санька стоит и смотрит. Любит ли он? Кто знает? А вот любит, восхищается — это точно... Разве любить и любить — не одно и то же? Он не знает. О женитьбе Санька не задумывался серьезно. Для чего ему жена? Он сам все может делать: и стирать, и готовить. От одиночества тоже страдать некогда. Но почему его тянет к Сухви, как мотылька на свет?

Девушка проходит мимо двух сросшихся стволами берез, выходит на полянку, наклоняется, ищет ягоды. Светлые косы золотистыми змейками соскользнули с плеч и погасли, утонули в траве...

«Нишкурак» — пришло на память забытое родное слово — «ландыш».

— Сухви, — кричит он, — ты нишкурак, душистый цветок.

— Нишкурак, — отвечает она, — это лекарство от сердца, — и подымает голову. — Разве забыл?

— Забыл, спасибо, что напомнила. Иди сюда.

В руках у него полная пригоршня спелой луговой клубники.

— Угощайся. Не представляешь, какая это ягода, и не можешь представить. А ведь многие и не знают, что клубника бывает луговая, не верят, возражают: «Это, наверно, земляника, клубника ягода садовая, культурная и не растет в диком виде». И про черемуху не знают, удивляются, как ее можно есть — она же горькая! Кстати, ты обещала показать сладкую.

...Лет восемь назад здесь был большой участок «спелого» леса, его вырубili. Теперь вырубка заселялась торопливыми новоселами: дубками, орешником, дикими яблонями. Больше всего оказалось черемухи. Привольно росли здесь молодые деревца — им не мешала ни чужая тень, ни теснота, а ягоды, которым вдоволь доставалось жаркого солнца, действительно, оказались очень сладкими.

Они рвали черемуху, перемазали ею ладони, щеки, зубы и язык.

— Тебя, — вдруг вспомнила Сухви, — мать не хватится? Пропал ведь на весь день!

— А тебя? Не боишься жениха? Вдруг приревнует?

Санька не ожидал, что его незатейливая шутка произведет такое впечатление на девушку: Сухви вдруг исчезла. Сначала он и не заметил, о чем-то еще говорил, но вдруг понял, что ее нет рядом.

— Сухви, ты где?

Ответом была глубокая тишина.

Тогда, бросив собирать ягоды, которые вдруг показались горькими, встревоженный и озабоченный, он ринулся на поиски, проламываясь сквозь густые заросли. Иногда он останавливался, приседал, стараясь уловить малейший шорох, расслышать ее легкие шаги, но ничего не слышал, кроме унылого звука коровьего бубенчика да резких криков коршуна, парящего в небе.

Первые минуты огорчения оттого, что она убежала, скрылась в лесу, проходили. Санька знал, что ни-

куда Сухви не скрыться — завтра он все равно ее встретит.

Тихо колышутся вялые листья орешника. Изнурительный зной и лесная прохлада, чередуясь, наполняли сердце хмельным ощущением полного ясного счастья.

— ...а-а-ня!

Это ее голос. Санька понесся во весь дух, спустился по крутому склону оврага и нашел девушку на траве в тени дикой яблони.

— Устала?

Сухви отрицательно покачала головой.

— Я сяду? Можно? А то еще обидишься, ты же такая недотрога.

Где-то заворковала горлица, пролетела сорока. Ветер качнул пышные зонтики медвежьей дудки, пригнул к земле синие колокольчики.

Справа в орешнике, то ли перекликаясь, то ли передавая сигнал об опасности, беспокойно пропищали два птичьих голоса: «Фюить, фюить!» Слева, из дубняка, ответило грубо и зловеще: «Тр-р, тр-р-о».

Сухви и Санька молчали.

Солнце уже клонилось к закату. В небе играли, смешиваясь, два цвета: светло-голубой и бирюзовый.

— Сухви, — позвал Санька, — повернись ко мне и скажи правду. Если бы я захотел «украсть» тебя на ярмарке, что бы ты ответила?

Девушка вздрогнула и отшатнулась:

— Зачем так шутить?

— Да я не шучу, я мечтаю. Знаешь, что я придумал? Сделаю из тебя знаменитую эстрадную певицу, будем вместе исполнять наши чувашские песни, разумеется, в новейшей обработке. Почему бы нет? Вон «Песняры» поют белорусские, а чем мы хуже?

— Не надо, — попросила Сухви, закрывая лицо платком, — не надо, Саня.

— Почему? Разве лучше сидеть всю жизнь в деревне, пасти овец и стариться, терять молодость, красоту, да, наконец, и талант? Ты что, не веришь мне?

— Не знаю...

— Вот те раз. Мы ведь уже друзья? А другу не верить... Понятно, какой же я дурак! Ты, наверно, уже с кем-то встречаешься? Скажи, прошу тебя, скажи правду! Есть у тебя кто-нибудь? Тогда, конечно, глупо я размышлялся...

Сухви отняла платок от смущенного, залитого ярким румянцем лица и посмотрела на парня долгим взглядом:

— Нет у меня никого и никогда не будет.

— Это хорошо, это просто замечательно, что никого нет, а вот «не будет» ли — мы еще посмотрим.

Нет, Санька решительно не замечал ничего вокруг, кроме самого себя. Да и стоит ли обращать внимание на ее слова? Девчонки всегда говорят не то, что чувствуют, ради приличия.

— Пора, — сказала вдруг Сухви, — солнце садится.

— Пора так пора, — с готовностью откликнулся Санька.

Когда они поднимались в гору, парень осторожно взял девушку за руку, но Сухви и не думала вырываться. Вышли на старую тропинку. Солнце уже скрылось за горизонтом, становилось прохладно. Где-то на лугах прокричал чибис. Над Сормой подымался густой туман. Огородная ботва была в густой вечерней росе.

— Постой здесь, — неожиданно попросила Сухви.

Санька смотрел, как, не боясь холодной росы, девушка легко пробежала те несколько метров, которые отделяли плетень от сада, где росла молоденькая яблоня. Подбежав к деревцу, Сухви на минуту остановилась, словно раздумывала, стоит ли делать то, на что решилась?

Он не видел, как дрожали ее руки, срывавшие красные, словно зардевшиеся от смущения, плоды.

— Ага, — улыбнулся Санька, — стыдно стало, что давеча пожадничала.

— Посидим еще, — предложила Сухви.

Они сели на деревянное корыто, перевернутое вверх дном.

— Вкусное! — протянул Санька, сочно хрустя ябло-

ком. — Вот что значит сорвать прямо с дерева. А ты чего не ешь свое?

— Так, — Сухви тихонько, как детскую щеку, поглаживала глянцевою кожуру.

О чем она думала сейчас, почему молчала? Может, прислушивалась к музыке, доносящейся с улицы: репродуктор, прибитый к телеграфному столбу возле колхозного правления, распевал на всю деревню.

— Кто написал? Знаешь?

— Перестань, — нахмурилась девушка.

— Что я такого особенного сказал?

Санька удивленно взглянул на Сухви и озорства ради, зажав в пальцах скользкое яблочное зернышко, прицелился и пульнул им прямо ей в лицо.

— Попал, попал! Значит, пойдешь за меня!

Сухви вскочила на ноги, размахнулась. Яблоко, прошуршав в зарослях глухой крапивы, с шумом ударилось о землю.

— Вот и все, — не то со злостью, не то с сожалением произнесла она и опрометью бросилась к калитке.

— Постой! — крикнул Санька и хотел было бежать следом, но раздумал — к чему? Весь день девушка вела себя странно: то доверчиво, как со старым добрым другом, то вот так, как сейчас, — обиделась, разозлилась неизвестно за что. Может, она и вовсе не такая, какой кажется? Отвык, видно, он за все эти годы от деревенских нравов, деревенских обычаев.

Санька постоял еще немного, потом вышел через двор на улицу. Окна в доме так и не засветились: должно быть, Сухви тихонько прошмыгнула в спальню, никого не разбудив.

6

Звездное небо заволакивала темная дождевая туча. Беспечно напевая, Санька пошел домой. Какой все-таки хороший выдался сегодня день, как славно погуляли они в лесу! Правда, под конец получилось не совсем ладно, но все обойдется, и они с девушкой

помиряются. Собственно говоря, и ссоры-то не было. Что на нее нашло? А, не стоит придавать значения! Глупо с первых же шагов устраивать друг другу сцены. Может, не стоило заикаться о ярмарке, дразнить женихом? Распустил хвост, о музыке что-то плел. А надо было вести себя проще, так, как хотелось: обнять, поцеловать, дотронуться до этих дивных волос.

В общем-то, Санька был парнем порядочным, мечтателем и идеалистом, и Сухви, действительно, казалась ему нишкураком — чистым, целомудренным цветком. Поэтому вольные мысли о ней показались юноше оскорбительными, и он тут же пристыдил себя за них.

Ночью Саньку мучила бессонница, он сел было за стол, чтобы поработать, но тема не давалась, ускользала. Промучившись до рассвета, он так и не сумел прибавить к тому, что уже записалось вчера, ни ноты. И все из-за нее, из-за Сухви. Мало было того, что девчонка взбрыкнула, как взбалмошная коза, убежала, не сказав на прощанье ни слова, так еще этот Меркурий. Он, видно, поджидал его возвращения, сидя на лавочке возле дома.

— Согласны они, — огорошил ничего не подозревавшего Саньку.

— Кто согласен? На что согласен?

— Да родня. Сватов засылай, и все тут. Считай, мы с тобой на смотринах давеча были. Ставь магарыч свату.

— Так это ты сват? — возмутился Санька. — Жаль, что тогда не догадался, а то бы показал тебе «свата»!

— Мать! — крикнул, влетая в избу, Санька — Что же это такое получается? Значит, мать, ты всерьез? Отправила меня поведать, а сама... Да еще этого шута горохового подослала? Зачем? Как так можно? Жениться... Что я, по-твоему, тракторист или скотник какой-то? Что я, по-твоему, колхозник, буду в этой глуши жить? А Сухви? Что мне с ней делать в городе? Да ее еще учить и учить надо, она же еще совсем дикая! Нехорошо получилось. Думал, приеду, поработаю... Теперь надо отсюда мотать, да поскорее.

Тетушка Хветли заплакала, утирая слезы концом головного платка, — хотела как лучше, а вышло — сына из дома до срока выжила.

«Уй, старая да глупая я», — горестно качала головой расстроенная старушка.

Саньке стало больно и стыдно, он тихонько дотронулся до материнской руки, погладил тонкую морщинистую кожу:

— Не надо, мама, прости меня.

— Не уедешь, сынок?

— Утро вечера мудренее, — уклонился он от прямого ответа.

А утром созрело окончательное решение: нет, уеду все-таки. Не пишется, не ладится ничего, зачем время зря терять?

К утру старый вяз под окном вздрогнул пушистой листвой, проснулся, потянулся, зашелестел дробными листочками, по железной крыше заплясали веселые долгожданные дождевые капли.

Санька, собравшийся было в дорогу, выглянул на улицу — дождь всю молотил по закаменевшей от засухи земле, быстро образуя лужи с большими прозрачными пузырями — значит, ненадолго, скоро пройдет. Но, против ожидания, непогода затягивалась: ливень на время ослабевал, потом принимался лупить с еще большей силой.

Мать, пригорюнившись, сидела на лавке, смотрела, как хмурый, неразговорчивый сын то и дело выходит на крыльцо и опять возвращается.

— Оставайся, сынок, чего уж там, все равно куда не уедешь! Такая мокрядь... А вдруг как попутки не окажется? Заболеешь, горло застудишь...

— Сама виновата. Что мне теперь делать, как девушке в глаза смотреть?

— Я ничего худого не желала. Вот послушай меня и рассуди здраво. Ты же ученый человек, должен понять. Обидно никому я не сделала, ни тебе, ни ей. Скажи правду, разве не нравится девка? Разве плохая? Некрасивая? Нескромная?

— Красивая, скромная, хорошая.

— Вот. Чего еще надо? Женись.

— Откуда ты знаешь, что я этого хочу?

— Неужели холостым хочешь остаться?

— Нет, конечно, но... Сваты какие-то, смотрины. Чушь!

— Нет, не чушь. Обычай у нас такой, городским, может, и странный, но веками держится. Не только у нас — везде так, может, чуточку по-другому, какая беда. Обычай хороший — чтобы семья была крепче. Плохо ли? Вся деревня соберется на свадьбу, и не только своя — из всех ближайших деревень люди придут порадоваться на молодое счастье. От молодых будет зависеть, смогут ли сохранить его.

Если свадьбу играли принародно, если принимали подарки и поздравления, не так-то просто порушить новую семью из-за плохого характера да капризов. Иной раз только и остановит, утихомирит мысль: как же я людям в глаза посмотрю? А те, что женятся на стороне, без родных и свидетелей? Сегодня он женат — завтра развелся, никто не видел, никто не слышал, женись заново.

Нет, сынок, плохо так начинать жить. Чует мое сердце, что нет у тебя в городе девушки, свободен ты. Чего же надо? Лучше Сухви не найти. Родные согласны. Почему на Меркурия налетел? Он хоть и болтливый мужичишка, но свое дело знает. Никто не обиделся: Празук-инге уважает обычай, и Сухви не стыдится старого. Уж такой разумной в наше время не сыщешь. Что раздумывать? Разве у городских, что долго женихаются, присматриваются друг к другу, а иные и до свадьбы не соблюдают себя, прочнее браки? Нет, что-то не слыхивала такого. Малознакомая тебе, говоришь? Да ты же ее полюбил! И она тебя. От наших материнских глаз что скроешь?

— Скроешь тут, как же... — неожиданно для самого себя Санька начал понемногу уступать. Ночные беспокойные мысли, досада на себя, на Сухви, на мать, на Меркурия показались просто дурным настроением,

мальчишеством, да и мать стало жалко. Ждала сына целых два года, и на тебе — обиделся: не угодила, видите ли, ему!

«Болван, — мысленно обругал себя Санька, — придурок».

— Но все-таки, мама, давай обождем. А?

— Чего ждатель-то? — обрадовалась Хветли-инге, видя, что сын начал поддаваться. — Некогда, до ярмарки осталось всего ничего, едва поспеем!

— Делай как знаешь, — обреченно махнул рукой Санька.

— Сами вы друг с другом и за три года не сталкиваетесь, все будете ссориться да мириться.

«И это знает, — удивился про себя новоиспеченный жених, — правда, что это я ломаюсь? Ведь пока не уговаривали, пока не вмешивались, сам готов был в мужья напроситься. Разве не напрашивался? Вон ведь что успел ей наговорить и про ярмарку, и про жениха, и про учебу. Хорош гусь, — мысленно упрекнул себя Санька, — напелл девушке с три короба, и в кусты? Нет, голубчик, назвался груздем — полезай в кузов!»

А мать продолжала подливать масла в огонь:

— Девушка росла, уважая деревенские обычаи. Ты уж ее не срами. Думаешь, не знаю, где ты целый день пробегал? И я знаю, и Празук-инге знает. Вся деревня знает.

«Права была Сухви, надо было ее послушаться, не тащить в лес. А что, собственно, плохого я сделал? Не обижал, не оскорблял ни словом, ни поступком. Выходит, погулял — и сразу же женись?»

Санька устал от бесконечных споров с самим собой: будь что будет! Если судьба так сурово предъявила на него свои права, то он согласен. Кто знает, может быть, все и произойдет, как вырвалось невзначай, как подсказало сердце: «Звездочкой будет гореть моя Сухви?»

— А дождь-то перестал, — сказала тетушка Хветли, приподнимаясь с лавки.

Санька выглянул в окно. Тучи рассеялись. Высоко в небе кружились ласточки. Из-под навеса стайкой высыпали цыплята и, осторожно задирая желтые лапки, побежали по мокрой траве.

7

В дом к невесте решили идти вчетвером: Санька, его старинный дружок Венька, Меркурий и тетушка Хветли.

Смеркалось, когда они вошли во двор Празук-инге.

— Вы чего как куры, — весело спросил Меркурий, входя в полутемную кухню, — в такую рань улеглись?

— Кто там? — послышалось с печки.

— Слезай, кинем, нас много — всех разом не угадаешь.

— Никак опять ты?

— Я, я, он самый: ни себе, ни людям покоя не даю! Без меня, поди, вся деревня бы спала — не просыпалась. А еще говорят: мол, Меркурий лодырь. Без такого лодыря вы бы все тиной заросли, как старый пруд! Правду говорю, ученый человек?

Гости неловко мялись у порога, хозяйка не торопилась спускаться. Болтал один только сват, и как сейчас был ему благодарен за это жених!

Еще когда только они двинулись всей гурьбой к дому Сухви, у Саньки засосало под ложечкой, и это сосущее чувство то ли страха, то ли непонятной, необъяснимой радости не отпускало до сих пор.

«Скорей бы началось, — думал он смятенно, — прогнала бы нас строгая кинем, что ли?»

Мать стояла рядом, тихая, как мышь.

«Ага,— злорадно подумал Санька, — тоже боишься?»

Наконец, грузно опускаясь на последнюю ступеньку, Празук-инге удостоила соседей ответом:

— Свет экономим, чего зря жечь! Привыкли мы, старые люди, с керосиновой лампой жить. А ее, если помнишь, и керосином надо было заправлять, и стекло чистить, и за фитилем следить, чтобы не коптил...

— Чего долго рассказывать, я хоть и молодой, да приметливый, запомнил с ранних лет.

— Тебе, поди, «молоденький», к четвертому десятку за половину перешло?

— Что мои годы считать?

— А то удивительно, что ты так бобылем и остался.

— Бобыль — дело сурьезное, не всякому по силе. Об своей судьбе забыл, чужие налаживая.

— Вот-вот, — не унималась хозяйка, — кто рубашку вышивает, а кто и поглядывает, со стороны нахваливает. Нет, чтобы самому иголку с ниткой взять.

— Ты меня, уважаемая Празук, не коли больно-то своей «иголкой», про твое «вышивание» мы знаем. Собирай на стол да гостей угощай.

— Мы вроде гостей не звали.

— От вас дожدهшься, как летом мороза, так зимой жары.

— Кто это здесь расшумелся? — спросил Степан, выходя из сеней.

— Меркурий-сват. Помоги, браток, четверть-то все руки оттянула, боюсь уроню.

— Эта помощь по нашим силам, — брат Сухви щелкнул выключателем, — эге, да вас тут целая бригада, — протянул он, удивленно щурясь на гостей. — Чего стоите? Проходите, садитесь. Мать, Аннушка, что вы копаетесь, не видите — люди пришли.

— Вижу, не командуй, разберемся сами.

— Да они с караваем, — Степан покрутил головой, — надо же! Еще вчер, кажись, сопливой девчонкой по избе ползала, а тут уж и сватать пришли.

— Не видел сестры? — спросила Празук-инге.

— Сейчас прибежит, с девушками на улице стоит.

Хозяйка молча опустилаcь на лавку, скрестила на груди руки. Усаживала гостей за стол, хлопотала по дому одна Аннушка. Она то и дело поглядывала на Саньку, улыбалась ему, словно говорила глазами: «Не бойся».

— Не знаю, что и сказать вам, — начала тетушка Празук, — давеча, как Меркурий ушел, я все думала,

все думала. Не хотела Сухви в этом году замуж выдавать. И одежды у нее маловато. Не шили, не покупали. Выйдет ли дело? У него в городе, может, невеста есть? Может, и жена? Сколько красивых девушек видел, зачем ему на простой колхознице жениться? Он мою Сухви и до города не довезет, бросит, побоится, что товарищи засмеют.

С первых же слов этой суровой старухи с неласковыми глазами и степенной речью Санька почувствовал, как в нем закипает злость: мало того, что мать чуть ли не силком вытащила его из дома, мало этого придурка Меркурия... Невесты что плетет, неизвестно в чем упрекает и подозревает. Но нечего делать, придется молчать и терпеть. Теперь уже ему ни за что не хотелось бросать начатого сватовства — назло этой ведьме. Ишь какая премудрая, много она понимает! Что он мальчик, чтобы им играли, как волейбольным мячом: то женись, то не женись? Неужели и Сухви начнет выламываться? Что за семья? Один Степан — человек как человек.

А Празук-инге продолжала:

— Дочка моя не в пример нынешним девкам, она при мне растет, из-под воли материнской не выходит. Деревенской кашей кормлена, деревенским молоком поена, а ну в городе застрянет у нее в горле костью «культурная» жизнь? Кому там нужен полевой цветок, коли розы есть?

«И про цветок и про розы ввернула, эка ведь!» Но и сват Меркурий не дремал, тут же выставил свою «защиту».

— Уж очень ты остерегаешься, кинем.

— И-и, сынок, теперь даже мышь палку в лапы берет, — нашлась та.

— Так мышь пусть и берет, чего ты-то хватаешься? Если они сами между собой поладят, не наше дело. Захочет невеста — пойдет замуж; не захочет, кто приневолит? Так ведь, Сухви, — обратился Меркурий к девушке, которая только что вошла и в растерянности остановилась посередине комнаты, — что молчишь?

Молодая хозяйка, не отвечая ни слова, подошла к печке, прислонилась к ней спиной.

— Ну как, начнем четверть? — торопил сват.

— Право, не знаю, — откликнулась неуверенно мать, — за односельчанина хотела выдать, чтобы не уезжала далеко.

— Какое «далеко», — вступился Степан, — теперь все близко: села на поезд — и дома.

— Без свадьбы девку не отпущу.

— Об этом и речи нет. Ну, невеста, говори скорей, а то прокиснет наша выпивка.

Санька впился глазами в смущенное девичье лицо. До чего ему жалко было ее, смотрит, как загнанный зверек, глаза огромные, печальные. Вспомнился вдруг сон. Те же глаза он видел — та же печаль, те же слезы блестели на ресницах.

«Что они ее мучают? И чего хорошего находит мать в старинном обычае? Разве можно напоказ выставлять то, что сокровенно таится в глубине сердца? Это же просто насилие, издевательство. Скажи им хоть что-нибудь, — молил Санька в душе, — только скорей, сил больше нет смотреть на все это!»

Вместо ответа она, зябко поводя плечами, тихонько прошла мимо стола, отворила дверь и вышла.

— С норовом козочка! — проговорил Меркурий. — Придется потерпеть, бутылку без ее согласия нельзя починать. За что только бабы мужиков тиранят? Хоть молодые, хоть старые, хоть совсем девчонки?..

После ухода Сухви в избе повисло напряженное молчание. Санька не знал, как ведут себя в таких случаях, мать присмирела, Венька тоже сидел как на иголках. Празук-инге хранила на лице невозмутимый покой каменного идола, только Степан с Меркурием посмеивались и о чем-то тихо шептались.

Наконец первым не выдержал жених, поднялся со стула.

«Надо же, — подумал с досадой, — второй раз такая оказия. Все я за ней бегаю, но нельзя же оставить девчонку без поддержки».

Кажется, он все-таки поступил правильно, по обычаю: Празук-инге слегка улыбнулась, и мать, чувствуется, воспрянула духом. Степан же с Меркурием хитро переглянулись, залились смехом: мол, сейчас он все уладит, молодой да скорый!

На улице совсем стемнело. Санька едва различал ступеньки. Не сразу увидел девушку, прошептал:

— Нишкарак, где ты?

— Здесь, — тихонько откликнулась Сухви.

Она, оказывается, была совсем рядом. В темноте его руки отыскивали узкие плечи.

— Ты плачешь? А ну, покажи глаза.

— Темно, не увидишь.

— Увижу, они такие большие. Ты прости, нехорошо получилось.

— Что нехорошо?

— Ну, весь этот спектакль.

— Ты не хотел?

— Да я не про то — «хотел», «не хотел». Просто жалко тебя стало.

— А себя?

— В том-то и дело, что и себя тоже.

Произнеся последние слова, Санька сам удивился — похоже, это на самом деле так, все, что происходило в избе, вдруг сблизило их, породнило. Нисколько не смущаясь, смело, по праву, Санька крепко обнял девушку, прижал к груди. Сухви замерла, прижимаясь к нему: доверчиво, словно обиженный ребенок, ища защиты.

— Маленькая моя девочка... Любишь меня?

— Пошли в избу, там ждут, — вместо ответа прошептала девушка.

— Пусть подождут, никуда не денутся.

В эти минуты Саньке просто невыносимо было думать о том, как они окажутся сейчас под обстрелом любопытных глаз, которые будут всматриваться в их лица, гадать, что произошло, о чем говорили...

— У пруда, наверно, сейчас очень красиво, — прошептала девушка.

— Хорошо, — вздохнул Санька, выпуская Сухви из объятий, — пусть будет по-твоему, пошли.

Луна неожиданно выплыла из-за туч, словно решила принять участие в делах влюбленных. Яркий лунный свет озарил деревню, каждую тропочку, каждый куст отразился на темной, почти черной воде. Просеянный сквозь густое решето ветвей, он весело запрыгал на мелкой волне, рассыпаясь тысячами серебристых бликов.

Они долго стояли на берегу, безмолвно, обнявшись, предчувствуя будущее, которое вот-вот должно было обрушиться огромным небывалым счастьем. Санька уже больше ни в чем не сомневался: нежный, душистый цветок, его музыка, его радость — с ним.

— Мы будем счастливы с тобой, поверь мне. Будем. Ну, что ты молчишь, Сухви?

Ему так и не удалось расслышать ее ответа, потому что где-то рядом раздался знакомый звук.

«Опять! — смятенно подумал Санька. — Опять этот кнут...»

Сухви, вздрогнув, отодвинулась.

На темной поверхности пруда отразилась чья-то громадная несуразная тень.

— Телку не видели? — спросила тень глухим, будто неживым голосом.

— Не видели, не видели! — зло отозвался Санька. — Бродят тут всякие лунатики по ночам, покоя людям не дают. Кто это?

— Кузьма из Панклеев. Каждый день встречаемся: он пасет на своей стороне, я — на своей. Когда чей-нибудь скот переходит на чужой берег, мы кнутами даем знак.

— От стада отбилась, проклятая, весь вечер ищу, — пожаловался пастух.

Не получив сочувствия, Кузьма побрел дальше, волоча по траве длинное кнутовище.

— Пронесло, — облегченно вздохнул Санька, пытаясь вновь обнять девушку, но она холодно отстранилась, прислушиваясь. Где-то в начале деревни вновь

раздался оглушительный шелчок, разорвав тишину, прокатился к Шиушинскому оврагу, грянул еще раз на лугу за Сормой и, страдальчески ахнув, окончательно затих.

Тогда Сухви наконец подняла голову и посмотрела на жениха странным взглядом.

— Ты чего? — не понял Санька.

— Спросить хочу... Долго ты привыкал в городе?

— В городе долго привыкать не дадут, надо сразу включаться. Знаешь поговорку: «Пан или пропал»? Специально для города придумана.

— Несамостоятельный какой-то ты, Саня. Все шутишь как маленький.

— Не шучу, Сухви, — весело! Знаешь, как только вошел в деревню, так и переменялся — все время под кайфом.

— Под чем?

— Ну, скажем, под хмельком. Хорошо, одним словом. Тебя встретил, женюсь. Как во сне, не верится даже.

— И мне не верится, только мне почему-то не весело, а грустно...

— Говорят, все невесты плачут. Не обращай внимания. Сейчас нас с тобой засватают, погуляем на ярмарке, потом я съезжу в город на пару деньков, приеду — и свадьба, — развивал Санька планы. — А сейчас пошли домой. Этот чертов Кузьма и так настроение испортил: чтоб ему провалиться, чумазому, со своим кнутом...

— Я думала, что ты добрый, — протянула Сухви, — разве тебе не жалко парня? Всю ночь, поди, в поисках промается.

— Такая у человека должность, каждому свое: один ищет, другой находит. Меркурий небось извелся весь, гляючи на дверь.

Теперь Саньке, наоборот, поскорее хотелось вернуться в избу и завершить сватовство, его официальную часть: Сухви не будет больше так мучительно молчать, а он цепенеть от неловкости и смущения.

— Ну, девка, можно начинать четверть? — Меркурий вышел из-за стола, испытующе окинул парочку своими черными пронзительными глазами.

Тоненькая фигурка невесты, застывшая на пороге, рядом с крепким, плечистым Санькой, стоявшим за ее спиной, казалась еще тоньше, еще воздушней.

Сухви ответила так тихо, что ее едва расслышали из-за хриплого тиканья старых стенных часов.

8

Овцы, изнуренные зноем, сбились в кучу на берегу реки и лениво щипали редкую траву. Разморенные жарой пастушки боролись с одуряющей сонливостью.

Даже стоявшая на пригорке развесистая ветла дремала, лениво, нехотя сопротивляясь наскокам слабого ветерка, который тоже, словно в полусне, играл с ее тонкими длинными листочками. Кое-где листья уже успели пожелтеть и, как ослепшие птицы, без труда слетали с веток, чтобы навсегда уснуть, успокоиться на земле.

У Сухви сегодня напарницей тетка Варвара, пожилая женщина с добрым рыхлым лицом. Она смотрит, как девушка идет по лугу, держа на руках белого ягненка, отбившегося от стада.

— Поймала? — спрашивает сонно. — Ишь ты! И охота по такому пеклу бегать?..

— Маленький! — Сухви нежно гладит мягкую, тонкую шерстку. — Иди к мамке.

Ягненок, спущенный с рук, с тихим блеяньем спешит к дойной овце, тычется в бок, ищет сосок.

Сухви садится рядом с напарницей, с сожалением смотрит на Оккаев овраг. Там когда-то был родник, да высох. «Больная вода» — говорят про него в деревне. Внимательный взгляд скользит вдоль берега. На повороте обычно стоит цапля. Упираясь одной ногой в каменистое дно, птица неподвижно застывает над речной стремниной. Временами она с молниеносной быс-

тротой окунает в воду длинный острый нос, задирает голову, проглатывает пойманную рыбешку. Цапля привыкла к пастухам. Если подойдешь близко, взлетит, делает два-три широких взмаха и снова садится на воду. Сегодня почему-то цапли не видать...

На противоположном берегу бесчисленные отверстия: там гнезятся стрижи, а на пригорке, под кустом можжевельника, еще совсем недавно жила перепелка со своим выводком. Жаль, что это место распахали.

Родные места, родные картины — как привыкла к ним Сухви! Как любит эти луга, особенно летними утрами, на рассвете, когда трава блестит крупной, сверкающей на солнце росой...

Неужели она больше никогда не вернется сюда, не увидит цаплю, не услышит жалобного крика чибиса, ищущего свое гнездо? Покинет речку Сорму, стадо, расстанется навек с доброй теткой Варварой?

Что ожидает впереди? Каким окажется ее суженый? Непростой парень — сын Хветли-инге, и любит она его так, что и сказать нельзя. Самый красивый, самый умный... Только почему же ей так грустно? Чего-то не хватает, не нравится в женихе, а чего — Сухви и сама не знает, не может объяснить, словно что-то стоит между ними.

«Если бы у меня было столько слов, как у Сани, — думает девушка, — я бы смогла поделиться переживаниями, а то все молчу или донимаю его дурацкими вопросами. Он думает — обижаюсь. А я на себя злюсь».

У Сухви не выходит из головы тот случай с яблоком. Она вырастила деревце из семечка, потом сама привила на него новый сорт «ранет полосатый» — такой яблони ни у кого во всей деревне больше не было. Когда в этом году появились первые яблоки, а их уродилось всего два, Сухви решила: как засватают, сорвет яблоки: одно — ему, другое — себе. Ей казалось, что Санька сразу же поймет: яблоко, которым она его угостила, — «заветное». «Почему же он не понял? Про случайную песню, что ветер донес, знает, а про самое главное не догадался...»

— Иди обедать, — зовет тетка Варвара.

— Не буду, — отвечает девушка, прикрывая колени подолом ситцевого платья.

— Как посватали тебя, так и есть перестала? Когда свадьба-то?

— Послезавтра. Он в город уехал. Хотел на ярмарке сначала погулять, да зачем-то его вызвали.

— У меня чалбаш-овцу* выбирай, какая приглянется.

Сухви неожиданно обняла напарницу за широкую пухлую талию:

— Варвара-инге, скажи, ты любила? Была счастлива?

— Кто не любил в молодости? Любила... Только наша любовь не была такой, о какой в сказке говорится.

— А в сказке какая?

— Послушай, если хочешь, — Варвара-инге присела на бугорок, расправила линялый, выгоревший на солнце фартук. — Посылает свекор молодую сноху поймать на лугу коня. Говорит: «Смотри, голос подавай издалека, а подойдешь — ни гугу, иначе испугнешь». Хорошо, пошла молодуха. Идет степью и кричит громко. Смотрит, конь лежит на траве. Сноха тут же и замолчала, подходит тихонько, дергает за узду, конь не двигается. Что такое? Начала молодуха его понукать, ногами пинать, кричать грубым голосом, а он — ни с места. Разозлилась пуще прежнего, давай хлыстать по бокам, тут конь повалился на спину, ноги задрал. «Отчего это он подох?» — думает молодуха. Глядь, стоит на белых крыльях, изломала их все, испачкала грязью. Конь-то, оказывается, был крылатым.

— Старики, бывало, говорили, — продолжала Варвара-инге, — кто эту сказку поймет, тот своего счастья не загубит. Я своему коню, как глупая сноха, тоже на крылья наступила. Муж мой хороший был, городской и, поди, такой же ученый, как Санька. Привез к себе. Поначалу все получалось у нас: с хозяйством городским я быстро справилась, научилась по магази-

* Чалбаш-овца — овца, выбранная специально для свадебного стола.

нам бегать, варить по-ихнему, и в доме все блестело. Муж хвалил, не обижал. Только вот повадились к нему гости ходить, тоже люди ученые, на первый взгляд — степенные, вежливые, обходительные. Да вот что я тебе скажу, девка, не верь словам. Есть такие в городе: одно — в глаза, другое — за глаза. Я для мужних приятелей старалась вовсю. Они у нас часто гостевали, про что-то говорили, спорили, но не ссорились никогда. Я еще про себя удивлялась: «Ишь как шумно, но ни рук, ни языка не распускают, не ругнулись ни разу черным словом». Мужу с ними весело — промеж нас никаких умных разговоров не велось, я и рада была случаю — пусть побеседует, отведет душу. Но вот однажды случилось нехорошее. Как-то слышу разговор тихий, словно от меня скрываются: мой сказал — я не расслышала, зато голос его знакомого так меня к месту и пригвоздил. «Хорошим людям, — говорит, — всегда жены плохие достаются. И зачем ты на этой женился, тупа как пробка».

Сказка мудрая про сноху и крылатого коня мне еще в ту пору была неизвестна, да если бы я ее и знала, то в тот момент горячий вряд ли стала рассуждать, хорошо ли, ладно поступаю. Мужу своему и гостю зловредному все высказала по-нашему, по-деревенскому, не стесняясь, всякими словами обозвала да и уехала домой. Первое время ждала, что приедет мой Николай, заберет назад, но... Поломала я, видно, коню крылатому белые крылья: осталась одна. Двадцать лет прошло.

Неожиданно Сухви уронила голову на руки и громко расплакалась.

— Уй, глупая я баба, — всколыхнулась всем своим плотным телом Варвара. — Ты мою судьбу, дочка, не принимай близко к сердцу. Мало ли что с кем случается. Не плачь, милая, у тебя все будет по-другому! Санька наш, деревенский, в обиду не даст.

— Боюсь я, тетенька, сердце замирает.

— Разве что случилось?

— Ничего, — всхлипнула Сухви, — только не знаю, пойду ли за него...

— Да ты что? — испугалась Варвара. — Дело-то уже слажено! И Празук-инге согласилась. Ты, гляди, не расстраивай родню.

— Мне жить, а не матери.

...За рекой трижды щелкнули кнутом. Сухви встрепенулась.

— Беги, дочка, ты помоложе. Опять никак наши овечки в Кузькино стадо сиганули.

Девушка опрометью бросилась к Сорме. Пастух уже успел отогнать настырную скотину, но Сухви почему-то перешла речку вброд, вышла на берег и о чем-то долго разговаривала с парнем.

Тетка Варвара удивилась про себя: никогда раньше не бывало такого. За все лето, встречаясь чуть ли не каждый день, Сухви не обмолвилась с пастухом ни единым словом.

9

Первый день ярмарки, как нарочно, выдался солнечный, но не жаркий. Посвежевшие липы встряхнули пышные, тяжелые от обильного цвета кроны, распространяя на всю окрестность сладкий медвяный запах.

Все деревеньки, растянувшиеся вдоль берегов Сормы, заволновались, выплескивая нарядные потоки праздничного люда на дорогу, ведущую в Чувашскую Сорму.

...В три часа дня городской автобус остановился на опушке леса Куганар, из него торопливо выскочил один-единственный пассажир — Санька. И хотя он очень спешил, но, оказавшись в родных местах, как и неделю назад, не смог побороть первого желания — остановиться, полюбоваться этой благодатью.

После душного пыльного города, после запаха горячего асфальта, едкого бензина лесные ароматы кружили голову. Вот и заветная тропка, по которой он недавно спешил домой, вот и тот бугор, с которого он заметил тогда Сухви, пасущую стадо. Как хорошо,

как привольно кругом! Когда они поженятся, бывать дома придется почаще: Сухви небось скучать начнет по деревне.

Никогда еще он не был так счастлив, как после того памятного вечера, когда она сказала «да».

«Сухви... Сухви моя... Да я сделаю для тебя все, чтобы тебе было хорошо со мной!»

Правда, повторяя про себя все эти слова, парень не вполне отчетливо представлял, что их ожидает. «Конечно,— думал он,— она не сразу привыкнет, и с учебой, и с музыкой пока одни мечты. Ну, если не выйдет, пусть живет у матери, я после гастролей буду навещать ее. А там, пожалуй, когда постарею и «выйду в тираж», займусь преподавательской работой, перевезу ее в город, к тому времени народятся у нас дети... То-то обрадуется старушка мать внукам! Она любит Сухви, как родную дочь».

Когда стояли мы с тобой,
Плечо плеча касалось... —

запел Санька во весь голос.

Лес ревниво схоронил песню, пряча звонкий напев в своих девственных, заповедных пущах. В поле песня разлилась широко и привольно, ветер подхватил и понес вдаль, радуясь, как щедрому подарку:

Ты не скрывай счастливых глаз
И не гаси улыбки.

Гороховое поле. Стручки уже спели, налились, но среди спелых нет-нет, да и мелькнет бабочкой розовый поздний цветок. Растянуться бы здесь, среди тишины и простора, под ярким теплым солнцем, поваляться, как беззаботный жеребенок-стригунок.

Вот и ветряная мельница, крытый ток, деревня.

Ветер парусом надувал тонкую нейлоновую куртку. Словно чье-то нежное дыхание пахнуло в лицо.

Дома Саня надел свою любимую рубашку с чувашской вышивкой, белые брюки.

— Долго не задерживайся, — попросила мать. — Когда народ начнет расходиться с ярмарки, поедем за невестой. Меркурий с утра ушел искать тарантас. И жеребца Айгира сегодня никому не дали, самим пригодится.

— А зачем тарантас? — удивился сын.

— Аль забыл? Неужто Сухви пешком поведешь? Срам какой! Пусть будет все как у людей. Вся деревня готовится. И пиво почти у каждого припасено.

— Не спорю, не спорю. Ты у меня главный министр!

— Сухви, как увидишь, пряниками угости, на карусели покатай — девки это любят.

— Господи, — рассмеялся Санька, — куда я попал, в какой век? На карусели катать, пряниками угощать. Провинция!

— Что? — не поняла Хветли-инге.

— Да ничего, ничего, — успокоил ее Санька.

— Ты уж иди, иди, нечего над матерью шутить.

— До чего же вы у меня обидчивые, хоть ты, хоть Сухви...

На улице ни души.

И стадо сегодня уже давно пригнали. Куда ни глянешь — на завалинках, в тени домов и деревьев — всюду скотина: овцы, козы, коровы.

У околицы, над плетнем, зернистыми петушиными гребнями алели гроздьи бузины.

Саня прошел через полевые ворота, вышел за деревенскую ограду и быстро зашагал напрямик, через луга, к Чувашской Сорме.

...Никто не может понять, даже самые старые, мудрые старики и те затрудняются объяснить, почему на Сорминскую ярмарку обязательно идет дождь. В этом году, казалось, не оправдывается верная примета: день начинался при безоблачном небе, но, когда Саня подходил к селу, солнце внезапно закрыла туча.

Народу на ярмарке было видимо-невидимо. Парни и девушки, взявшись под руки по шесть-семь человек, заполнили главную площадь, вылились на улицы, растеклись на километры по окрестным лугам.

Санька уже отвык от этого зрелища и во все глаза смотрел на яркие национальные наряды, старинные украшения. Особенное восхищение вызвали у него чувашские-вишневые, их уборы, их лица, а главное, горделивая походка — настоящие кавказцы!

Любуясь праздником, Санька не переставал думать о ней, своей невесте. Где Сухви, как можно найти ее среди такой толпы? Правда, он уже налетел на двух старых знакомых, музыкантов, которые специально приехали в Чувашскую Сорму ощутить, как они выразились, «национальный колорит», но ему тут же захотелось от них отделаться: приятели дымили сигаретами, снисходительно посмеивались.

— Ты ведь здешний, — обратились они к Саньке, — познакомь нас с какой-нибудь красавицей.

— Некогда, некогда, — отмахивался он, а сам озирался по сторонам: где же все-таки нареченная? Неужели не встретит? Мать велела вернуться после ярмарки, он и так задержался из-за автобуса, сейчас, наверно, уже около пяти. И тут он увидел Сухви. До чего красива! Ну нет, честное слово, нет на всей ярмарке лучшей девушки. Даже горожане заметили:

— Вот с этой познакомь!

— Сухви!

— Ты здесь? Уже вернулся?

— Иди к нам. Это наши ребята.

Девушка потупила глаза.

— Нет, вы посмотрите — она покраснела... Где еще в наше время, кроме Чувашии, девушки не разучились краснеть? — и парни загоготали.

— Идиоты, — зло выдохнул Санька, — она моя невеста! — и ринулся к девушке, но внезапно живая цепь оттеснила его в сторону, увлекая за собой и Сухви.

Потом он долго искал ее по всей ярмарке. Праздник померк в глазах, ничего больше не радовало. Груст-

ный, убитый Санька слонялся мимо передвижных лавок, где на грузовых машинах продавалась всякая всячина, мимо торговцев яблоками, семечками, орехами. На всякий случай купил пряников, но Сухви пропала, как иголка в сене.

И тут хлынул ливень. С веселым визгом девчата бросились врассыпную, стараясь сберечь от дождя свои наряды. Одна из них даже сняла туфли и бежала босиком. Вскоре на площади не осталось ни одного уголка, где бы можно было укрыться от дождевых потоков.

Санька взбежал на крыльцо склада-амбара ближайшего магазина. Его окружила плотная стайка мокрых девчат. Смех, шутки, одергивание прилипших платьев.

Дождь прошел так же быстро, как и начался, однако никто не расходился, осторожные красавицы дожидались, когда дождевая туча окончательно покинет начавшее голубеть небо.

Санька собирался было прыгнуть с крыльца, но был остановлен, прижат к стене внезапно взволновавшей толпой. С веселым визгом девчата отпрянули от тарантаса, появившегося неведь откуда. Три дюжих парня соскочили на землю и, посоветовавшись, кинулись к амбару.

Серый жеребец, словно обутый в белые, до колен чулки, приплясывал от нетерпения.

Какая-то девушка, оступившись, чуть не свалилась на Саньку. Со спины он не узнал ее, а когда та обернулась, ахнул — Сухви! Очевидно, и она растерялась.

— Я тебя везде ишу. Где ты пропадала?

Лицо девушки было таким, что Санька на секунду замер, не в силах отвести взгляда от ее измученных, полных слез глаз. Мокрые ресницы дрожали, и посиневшие губы, казалось, силились что-то сказать.

Вдруг кто-то дернул ее за руку, девушка покачнулась, но ей не дали упасть. Один из парней, подкативших на тарантасе, ловко поднял Сухви на руки, быстро подбежал к лошади и опустил свою ношу на дно повозки.

Тарантас рванул с места, лошадь понеслась, народ

расступился, уступая дорогу. Отовсюду слышались крики: «Девушку крадут! Девушку крадут!»

Он не помнил, как соскочил с крыльца, кажется, кого-то опрокинул, кого-то обругал, больно ударился о чью-то голову.

Саня бежал что есть мочи, тарантас уже близко, из-под колес летят комья грязи. Вот он уже почти коснулся края повозки, сейчас схватится за чье-то плечо, впрыгнет и отобьет у негодеев свою Сухви... Он в кровь ободрал руки, цепляясь за колесо, но все равно не остановился. Сильный удар сбил его с ног. Лежа на дороге, он увидел над собой склоненную фигуру одного из похитителей и вскочил на ноги.

Их окружили люди, растащили. Санька услышал, как парень сказал, обращаясь к толпе: «Не его дело, с девушкой было договорено».

А тарантаса уже не было в селе, лошадь во весь опор скакала по полю, унося похищенную невесту в сторону Панклеев.

11

Всю ночь лил дождь, по-осеннему затяжной и холодный.

Хветли-инге растопила очаг, но ветер погнал дым обратно в трубу, и изба наполнилась едким смрадом. То ли от дыма, то ли от горя слезятся старые глаза. Она чуть не умерла, когда увидела сына, несчастного, грязного, с оторванным рукавом. Упав на лавку, Санька заплакал, как ребенок.

— Что случилось, сынок?

— Зачем? Зачем она так?

— Уй, не томи душу, где был, с кем дрался?

Но Санька не сразу успокоился, не сразу смог рассказать матери, как на его глазах украли Сухви. Он бил себя по голове и стонал:

— Так тебе и надо, дурак... Объясни мне свои хваленые обычаи, мать. Разве это хорошо, порядочно так поступать с человеком?

Хветли-инге вдруг глубинным материнским чувством поняла, что в сыне больше говорит оскорбленное самолюбие, чем несчастная любовь, что сердечная рана не смертельна.

— Плохо, конечно, она поступила, но на ней одной свет клином не сошелся, найдется другая.

— Никто мне не нужен, запомни, и не лезь больше не в свое дело.

Вернулась с праздника сестренка Енюк.

— Не знаешь, кто украл Сухви? — спросила ее мать.

— Кузьма.

— Который? Уж не пастух ли?

— Угадала, он.

— Какой позор! — охнул Санька, обхватив руками голову. — Какой позор! Этот чумазый, с кнутом...

— Не горюй, сынок, может, ты сам наступил коню на крылья?

— Какие еще крылья? — не понял Санька.

— Есть такая сказка.

— Ах, сказка... Ну, знаешь, хватит с меня ваших сказок, вашего национального колорита!

Хветли-инге, конечно, не поняла насчет «колорита», но до нее дошло самое главное: сын обиделся на родину, значит, не скоро теперь захочет приехать.

— Совсем негодная я мать, выходит, — прошептала она; утирая горькую слезу, — вон Празук своих детей как воспитала — не рвутся они из-под родной крыши.

— Не говори мне про эту ведьму, это она виновата! Испортила Сухви, заморочила ей голову, закрыла бабскими суевериями белый свет... Такую красоту, такой талант загубила... Пусть теперь радуется, как дочь овец пасет.

Еще долго в доме не смолкали разговоры. Санька еще не раз принимался бушевать, кляня неудачное сватовство, но к утру немного успокоился.

На следующий день опять наступило ведро. Земля отдавала вчерашнюю влагу, теплый пар стлался над лугами, капельки непросохшего дождя золотили траву.

После полудня деревня огласилась свадебными песнями, звуками барабанов и колокольчиков.

Мать и сестра вышли на улицу — негоже было показывать деревне свою обиду.

А Санька тем временем собирался в дорогу. Он ничего не взял из того, что приготовили ему родные. В спортивной сумке по-прежнему лежала пара рубаш, майка да нотная тетрадка, где записаны были всего две первые строчки — начало сюиты, которую он так и не сочинил.

Чтобы не видеть веселой свадьбы, он не пошел по деревне, а решил двинуться прежним путем, низом.

В огороде кто-то надломил ветку черемухи, неопрятное крошево из спелых растоптанных ягод заставило Саньку вздрогнуть. Он осторожно, стараясь не запачкать брюки, перешагнул через небольшую чернильную лужицу.

Подгоняемый нестерпимой обидой, Санька двинулся по тропинке, пересек луговину и вышел на шоссе. В спину ударило веселой песней:

Ой, у нас Кузьма-зятёк,

Ой, у нас Сухви-инге.

Пророкотал свадебный барабан, терзая сердце.

12

Конец августа. В садах созрели яблоки. Вода в Сорме уже стала холодной и по-осеннему прозрачной.

Ветер пригибает к земле яркую озимь, нежная зелень еще невысока, до следующей весны ей еще лежать и лежать под снегом, пока не вырастет, не колыхнется летней широкой волной.

Странно, как будто не было этих пяти лет, как будто он, Санька, как и тогда, в тот памятный год, жадно спешит оживить в сердце забытые впечатления прежних дней. Все тот же путь, те же тропинки рассыпались, расклеились по оврагам и пригоркам, как ручьи или девичьи косы. А вот и холм. Трава на нем пожухла, на пригорке

торчит смешной гриб-дождевик. Кожица треснула посредине, видны коричневые, похожие на табачную мелкую пыль споры. Их то и дело подхватывает ветер, придавая грибу забавное сходство с печной трубой.

Теперь, пожалуй, трудно назвать прохожего просто Санькой, нет, он уже не тот резвый паренек со спортивной сумкой через плечо. Многое изменилось: и лицо, и фигура. Костюм на нем солидный, тройка, в руках тяжелый импортный чемодан из натуральной кожи. Но все-таки...

Александр Михайлович, почему вы сделались вдруг таким печальным, почему с какой-то тайной надеждой садитесь на склоне оврага, озираетесь по сторонам, прислушиваетесь? Разве можно дважды войти в одну реку? Разве можно повторить безвозвратно канувшие в прошлое мгновения? Увидеть девушку, пасущую стадо, услышать ее песню и замереть от радости? Нет, все прошло, ничего не осуществилось из той давней мечты — музыка так и осталась недописанной, а девушка стала чужой женой.

Но что это? На луг, как и пять лет назад, потекло овечье стадо, и опять тонкий женский силуэт отчетливо виден среди движущихся животных.

«Уж не Сухви ли это?» — проносится в голове. Сам того не замечая, он повторяет вслух:

— Уж не Сухви ли? Да нет, не может быть. Такое не бывает, разве что во сне. А если?..

С холма легко сбегает на тропинку прежний Санька, такой же нетерпеливый, такой же увлекающийся, полный силы, полный надежды. А что, если?.. Тропинка мелькает под ногами, сокращая расстояние, укрупняя цель, — вот уже и стадо, и пастушка. Правда, из-за быстрого бега он не может разглядеть лица, но видит, что она не одна, с ней ребенок.

Испугавшись незнакомого человека, малыш опрометью бросается к матери, утыкается в подол.

Санька останавливается, сон превращается в явь — это действительно она, Сухви, угадал, как и в прошлый раз.

— Ты? — тихо шелестит ее голос. — Вернулся?

Он окидывает взглядом новую Сухви — Сухви-инге, женщину Сухви. На ней темный непромокаемый плащ, черные шерстяные онучи, из-под платка выглядывает коса, теперь уже одна, как заведено. Изменилась, конечно, но все еще красива, очень красива.

— Чего ты плачешь, Миккуль? — спрашивает сына Сухви.

— Дяди боюсь.

— Чего его бояться, это не чужой дядя, это братишка.

«Братишка», включаясь в игру, притворно плачет, закрывая ладонями глаза.

— Пожалей его, поцелуй, — предлагает мать и подводит малыша к Саньке.

Тот легко, как перышко, подхватывает Миккуля на руки, прижимает к груди.

— Поедешь со мной? Далеко, далеко. Будем в море купаться, загорать.

— Не, — отказывается Миккуль, — я мамку люблю.

— Я тоже, — улыбается Санька, свободной рукой обнимая Сухви.

Несколько минут они стоят втроем, потом высвобождаясь, Сухви вздыхает.

— Ты все такой же, все шутишь!

— Ошибаешься, как всегда. Я очень серьезный. Правда, малыш?

— Правда, — подтверждает Миккуль, почувствовав к «братишке» расположение.

— Вот видишь, устами младенца глаголет истина.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему, разве мужиков переспоришь?

— Присесть рядом можно? Не прогонишь?

— Садись, как прогонишь такого редкого в наших краях гостя?

— Теперь и ты шутишь.

— Что поделаешь, — грустно улыбается Сухви. Санька садится на траву, не выпуская из рук мальчугана.

— На тебя похож.

— Нет, глаза его, Кузьмы, только носик мой, говорят.

— Хороший носик, — Санька целует Миккуля прямо в нос, тот смеется и вырывается.

— Оставь его, пусть побегает, большой уже на руках сидеть.

— И у нас мог быть такой, — неожиданно вырывается у Саньки.

Кажется, он опять сморозил глупость, задел наболевшее — вон как горестно дрогнули ее губы, как потемнели глаза.

— Зачем ты так поступила?

Сухви плачет, и Сане ничего больше не остается, как, утешая, придвинуться, обнять ее худенькое тело, целовать эти волосы, эти губы...

«Мой ландыш, моя Сухви», — шепчет он. «Любимый, самый лучший, самый добрый», — отвечает она чуть слышно. «Любишь?» — «Люблю».

С болью вглядываясь в ее заплаканное лицо, Санька казнит себя за легкомыслие — как он мог тогда чего-то не почувствовать в их отношениях, как пропустил первые угрожающие признаки ее отчуждения?

— И все-таки признайся, что случилось, почему ты согласилась, чтобы тебя украли?

— Зачем вспоминать? Что было, то прошло.

— Как прошло? Ведь ты только что сказала «люблю»?

— Да, люблю, любила и люблю!

— Значит, я тебя обидел тогда? Чем?

— Об этом лучше не говорить.

— Нет, скажи, я ведь имею право знать правду.

— Ну, ладно, скажу. Помнишь яблоко, которым я тебя угостила в наш первый вечер?

— Помню, я все помню, каждую мелочь.

— Вот видишь, говоришь «мелочь», а для меня тогда это было главным, я загадала на него.

— Это что-то слишком сложное, не пойму.

— Даже сейчас не поймешь? Значит, я все-таки правильно поступила: если бы согласилась выйти за тебя

замуж, надоела бы уже давно, соскучился со мной, товарищи засмеяли — зачем женился на деревенской, ничего она не знает, глупа как пробка. Мне Варвара-инге рассказала про свою жизнь, у нее муж тоже был образованный, не выдержала она, и я бы не смогла. Поломала бы коню крылатому белые крылья. Лишилась бы счастья.

— Не знаю, что тебе сказать, не знаю. При чем здесь конь? Какие еще белые крылья? Однажды я уже слышал про эти крылья от матери.

— Сказка есть такая...

— Жизнь — не сказка, я хотел сделать тебя счастливой своими собственными руками.

— Своими? А мои чем хуже?

— Твои?! Твои — святые, только во что ты их превратила? Не могу видеть...

— Зачем мы сейчас спорим? В такие минуты...

— Какие? — спросил Санька, неотрывно вглядываясь в ее глаза.

— Счастливые, — просто ответила Сухви.

— Очень уж коротко это счастье.

— Я ценю и такое. Знаешь, простая чувашка купит на рынке дешевый платочек и радуется. Неужели бы ты сам не поразился вместе с ней?

— Да, — протянул Санька, — вот ты какая... Тонкая, чуткая! А я — безмозглый, чванливый чурбан. Как же я так мог, ведь знал, ведь чувствовал в тебе это! Сердцем, ухом. Как ты пела тогда... Виноват, только я один во всем виноват. Прости меня, Сухви.

— Эх, Саня... Зачем ты тогда Кузьму обидел? Помнишь, он телку искал, а ты, вместо того чтобы посочувствовать, ответил грубо, обозвал «лунатиком». Я тогда от жалости чуть не разревелась. И замуж пошла за него, потому что он такой же простой парень, как я. Живем дружно, не ссоримся, и работа у нас с ним одна, и о жизни одно понятие.

— Я тебе совсем не нужен?

— Нужен. Я люблюсь тобой, как небом, травой, рекой, птицами.

— И я ведь тоже, — признался Санька, — помнишь, когда в лес ходили, просто смотрел на тебя, любовался.

— Любовь — большое слово, — вздохнула Сухви, — мы тогда не поняли его.

— Больше мы с тобой никогда не будем, как сейчас?

— Никогда. Я Кузьму не обижу. Прощай, Саня.

Подхватив сынишку на руки, Сухви решительно зашагала прочь. Гордая, прекрасная женщина, любящая и мудрая, шла по земле навстречу своему счастью.

Трижды знакомо щелкнул пастушечий кнут — это Кузьма звал жену домой. Она ответила ему широким взмахом руки. Кнут взметнул над водой мириады капель.

Солнце скрылось за горизонтом, вечерняя прохлада коснулась спины. Санька поежился то ли от холода, то ли от того особого озноба, означавшего приход вдохновения, и тотчас услышал музыку.

Она родилась из той первоначальной темы, тех двух первых строчек, навеянных ему пять лет назад родной землей, и только сейчас из робкой попытки, похожей на слабый ручеек, дающий начало большой реки, превращалась в огромное море шириющихся созвучий.

А высоко в небе парил крылатый конь, отблески лучезарных сказочных крыльев осеняли лицо сидящего на траве человека, успевшего пережить за свою жизнь множество имен: от «сынка Хветли-инге» до «солиста эстрадного ансамбля» и заслужившего наконец право на имя «творец».

1957

— Это что-то слишком...

...это... правильно поступила: если бы согласилась...